

© 1994 г.

А.Г. ХАРЧЕВ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СЕМЬЯ

Один из наиболее дискуссионных вопросов, стоящих сегодня перед отечественной социологией семьи, — вопрос о том, как повлияла социалистическая революция на брачно-семейные отношения в России.

Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо проанализировать хотя бы основные социально-теоретические предпосылки становления семьи в нашем обществе после 1917 года.

Главная из особенностей, отличавших дореволюционную Россию от ряда капиталистических стран, заключалась в том, что большинство населения жило в деревне, в условиях, когда старое, натуральное, полукрепостническое хозяйство пришло в упадок, а новое только начинало складываться. Согласно переписи 1897 г., доля городского населения в общей численности страны (в границах Российской империи) составляла 15%, а в 1913 г. — 18% [1]. Поэтому в России преобладали большие «неразделенные» крестьянские семьи патриархального или полупатриархального типа с соответствующими экономическими и нравственными устоями. В коллективном труде «Село Верятино в прошлом и настоящем», являющемся результатом всестороннего этнографического исследования одной из типичных русских деревень, отмечается, что глава такой семьи (как правило, дед или старший брат) распоряжался всем ее имуществом и деньгами, руководил хозяйственными работами, распределял обязанности и выступал в качестве посредника в семейных конфликтах. «Всякое проявление собственной воли тотчас же пресекалось» [2, с. 80]. Дети с самого раннего возраста приобщались к труду и, собственно, не знали детства в современном его понимании.

Городские рабочие в значительной части также были выходцами из деревни, поддерживали с нею систематическую связь и сохраняли в той или иной степени крестьянские нравственные традиции и культуру.

Так как в крестьянском хозяйстве и земля, и имущество находились в руках мужчин, труд женщины, каким бы интенсивным и продуктивным он ни был, не обеспечивал ей экономической самостоятельности, и она всецело зависела от отца и мужа. Из числа всех женщин страны, работающих по найму, согласно переписи 1897 г., 55% работали в качестве прислуги и поденщиц, 25% батрачили у помещиков и кулаков, 13% были заняты в промышленности и строительстве и только 4% — в просвещении и здравоохранении. В последующие 20 лет это соотношение несколько изменилось в пользу фабрично-заводского и интеллигентного труда, однако преобладание в нем профессий низкой квалификации и оплаты труда полностью сохранилось.

В правовом и политическом отношениях женщина подвергалась еще большей дискриминации. В Своде законов Российской империи указывалось, что «жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность» [3]. Вопрос о равноправии женщин обсуждался в первой, второй и третьей Государственных Думах, но так и не успел получить разрешения.

Такое отношение к женщине было присуще не только правительству, но и всему мужскому населению, особенно в деревне. «Обращение женщин при возникающих конфликтах к земскому начальнику почти всегда кончалось неудачей: как правило, подобные дела передавались на рассмотрение сельского схода, а тот неизменно решал их в пользу свекра» [2, с. 82].

Подчиненное положение женщин подчеркивалось и тем, что брак считался достойным мужчины только тогда, когда он брал жену к себе в дом. Жених переходил в дом невесты лишь в тех случаях, когда он не имел «ни кола, ни двора» или же невеста была слишком непривлекательна для того рассчитывать на «полноценного» супруга.

Православие было единственной формой духовной жизни огромного числа малограмотного населения, особенно в деревне. Поскольку религия рассматривала расторжение брака как грех, женщины, воспитанные в религиозном духе, даже в крайних случаях старались не прибегать к разводу, тем более, что он был очень затруднен и юридически. Поэтому сравнительно небольшое количество разводов в дореволюционной России нужно рассматривать не как свидетельство прочности и устойчивости брака, а как показатель гораздо большей, чем в передовых буржуазных странах того времени, авторитарности семьи и порабощенности женщин.

Первая мировая, а затем гражданская войны отбросили экономику, а, следовательно, и ряд других сфер жизнедеятельности, назад, даже по сравнению с довоенными показателями. В частности, создалась большая демографическая диспропорция. В 1926 г. на 1 000 женщин в возрасте 25—29 лет приходилось 839 мужчин, следовательно, большое число женщин навсегда лишилось возможности иметь семью. Резко упала рождаемость. Гибель родителей, дезорганизация многих семей породили беспризорность детей, которая стала истинной трагедией России. Только через Петроградскую комиссию по делам несовершеннолетних с 1918 по 1924 гг. прошли 35 тысяч детей, большинство из которых не имели семьи [4]. В свою очередь, в ситуации, когда старая законность была разрушена, уничтожена религия как основа духовного мира человека, а новые законы жизни только устанавливались, жизнь многих людей стала зависеть от случая. Кроме того, в результате экономической разрухи возросла безработица, от которой особенно страдали оставшиеся без мужей женщины. Все это деформировало сексуальную мораль, стимулировало нравственно немотивированные и корыстные половые связи, вело к росту проституции. Причем в полном соответствии с правилом — нет такой гадости, которая не старалась бы приобрести красивое наименование, — все это нередко рядилось в революционные одежды.

Некие самозванные законодатели, заполонившие страну, дошли до таких курьезов, как издание специальных «декретов» о «национализации» женщин, организации «бюро свободной любви» и т.д. Вот один из них, появившийся в 1918 г. во Владимире: «После 18-летнего возраста всякая женщина объявляется государственной собственностью. Всякая девица, достигшая 18-летнего возраста и не вышедшая замуж, обязана под страхом строгого взыскания зарегистрироваться в "бюро свободной любви" при комиссариате призрения.

Зарегистрированной в "бюро свободной любви" предоставляется право выбора мужчины в возрасте от 19 до 50 лет себе в сожители-супруги... Право выбора из числа девиц, достигших 19 лет, предоставляется также и мужчинам.

Выбирать мужа или жену предоставляется желающим раз в месяц. "Бюро свободной любви" автономно. Мужчинам в возрасте от 19 до 50 лет предоставляется право выбора женщин, записывающихся в бюро, даже без согласия последних, в интересах государства.

Дети, произошедшие от такого рода сожительства, поступают в собственность республики» [5].

Вполне вероятно, какой ужас наводила новая, революционная власть на женское население. Теория «стакана воды» стала злым роком многих даже образованных

юношей и девушек. По признанию самого вождя революции, «от этой теории "стакана воды" наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась» [6]. Между тем, среди его соратников было много таких, которые ее поддерживали и весьма активно.

Попытки начинать создание коммунизма с отношений между полами, «реконструируя» их по образцу первобытного промискуитета, предвидел еще К. Маркс [7], и именно этого не избежало российское общество.

Наконец, существовала еще одна причина того, почему изменение отношений между полами приняло такие крайние формы, в значительной мере на десятилетия определившие и отношение к женщине, и ее поведение. Революционное крушение идеалов, отрицание основополагающих принципов и человеческих ценностей, в частности религии, привели к «новой морали» вседозволенности, безнаказанности, безответственности, всколыхнули низменные человеческие чувства и настроения, которые приобрели безудержную силу.

Таким образом, в тенденциях, которые возникали в сфере сексуальной жизни и брачно-семейных отношений после 1917 г., проявились разрушительные силы, обуздать которые новое государство было не способно, а отчасти и не стремилось, так как цель ~~политики~~ всходила из главного постулата: «разрушить все до основания» и на «развалинах» построить «новое».

Поэтому в какой-то мере справедливо высказывание западногерманского публициста К. Менерта, что «советское правительство сразу же после революции повело борьбу с семьей... Для них (коммунистов) семья — это бельмо на глазу, и не только из-за ее консервативности. Их раздражает уже само существование этого единственного в стране не контролируемого ими института, самобытной и замкнувшейся в себе ячейки, инородного тела в государстве, которое во всех остальных отсеках контролируется сверху донизу» [8]. Такая во многих отношениях типичная оценка позиции и действий коммунистов по отношению к семье была весьма распространенной как среди зарубежных ученых, так и среди русской интеллигенции, поскольку она понимала, что семья — хранительница не только традиционной русской культуры, быта, основа социализации человека, но и связь исторических времен, разрушив которую общество превращается в «иванов, не помнящих родства». Именно здесь больше всего потеряла, порой безвозвратно, наша нация.

Однако наука должна быть до конца объективной. Что касается отношения коммунистов к семье, то здесь также вряд ли можно претендовать на однозначную оценку в течение всего исторического этапа существования социалистического общества. Дело в том, что любой революционный переворот, какими бы благими намерениями он ни прикрывался, всегда несет людям горе и разрушение традиционных основ жизни, негативно отражается на деятельности существующих социальных институтов, особенно семьи, которая несет на себе все тяготы по воспроизводству населения. Поэтому кризис в политике, экономике, культуре есть в свою очередь и кризис семьи.

В период непосредственно предшествующий революции, и в ходе ее, когда вопрос об отношениях между полами стал предметом повышенного интереса значительной части публики, в подходе к нему и решению ряда его аспектов среди марксистов выявились расхождения.

Так, не без влияния радикально-буржуазных течений, в частности феминизма, И. Арманд выдвинула в качестве новой идеальной модели взаимоотношений между полами при социализме так называемую «свободную любовь», которая (в заметках задуманной ею брошюры на эту тему) вольно или невольно противопоставлялась супружеству, а значит, семье. Рассматривая в одном из писем план данной брошюры, Ленин настойчиво советует автору отказаться от требований «свободной любви», потому что в буржуазном обществе «классы, наиболее говорливые, шумные и "паскудные" понимают под ней свободу от серьезного в любви, от деторождения, свободу адюльтера» [9].

Примечательно, что для философского обоснования требования «свободной любви»

использовался тот же постулат, с помощью которого в науке объясняется существование полигамных форм половой жизни: господство общественной собственности на средства производства. Уже сама по себе эта аргументация, с одной стороны, принижала социалистический идеал до уровня первобытной модели, с другой — свидетельствовала о вульгарно-схематическом истолковании исторического материализма, полном игнорировании таких факторов, как уровень развития производительных сил, общественных отношений, культуры, что не могло не повлиять на оценку позиции коммунистов по отношению к семье.

В частности, А.М. Коллонтай, постулируя, что «любовь вовсе не есть явление "приватное", дело двух любящих сердец», выводит общественное значение любви не из того, что она кладет начало материнству, а значит, и семье, но из присущей ей будто бы функции быть «ценным для коллектива связующим началом», укреплять классовую солидарность, правда, не столько непосредственно, сколько в качестве источника других «симпатических чувствований — чуткости, сочувствия, отзывчивости, способности любить не в узко половом, а в широком значении этого слова» [10].

А.М. Коллонтай развивала марксистско-ленинскую традицию в этой области человеческой жизни. Это тем более важно отметить, что ее оппоненты, ратуя за «классовый подход», фактически понимали под ним консервацию сложившихся в среде пролетарской молодежи отношений, в которых-де не витает «крылатый Эрос», но отсутствует и экономический расчет. Это, по мнению одного из авторов, — отношения «без всяких недоговоренностей и без всяких мудрствований», сводящиеся к биологической связи девушки с парнем, который «всегда с ней» [11].

Так что А.М. Коллонтай в своем стремлении культурно обогатить, эстетизировать пусть честные, бескорыстные, но в то же время духовно обедненные отношения между полами среди рабочей и крестьянской молодежи 20-х годов (о чем, кстати, свидетельствуют и многие опубликованные тогда художественно-литературные произведения) оказалась значительно «впереди» массового сознания своей эпохи. «Окрыленные чувства» в экономически и культурно разрушенной стране, среди безграмотного населения не могли приобрести себе истинных сторонников, не всегда были правильно поняты людьми.

Что касается самой А.М. Коллонтай, то она не только теоретически обосновала свою концепцию любви, но и искала пути воплощения ее в жизнь. Например, женотделы на местах, — читаем мы в цитируемой работе, — должны «войти в сношение с наробразами, чтобы двинуть вопрос о правильной постановке в школах полового воспитания. Кроме того, следует проводить ряд бесед и лекций научно-социологического или научно-гигиенического характера по вопросу о браке, семье, истории форм общения между полами, зависимости этих форм и самой половой морали от частно-хозяйственных экономических начал».

Однако все эти меры должны были служить в конечном счете не социалистическому обновлению семьи, а замене «семейных связей производственно-коллективными», что в принципе требовало уничтожения личного начала человека. «...Надо сказать прямо то, что есть: старая форма семьи отжила. Коммунистическое общество в ней не нуждается. Буржуазный мир благословлял изоляцию, отделение брачной пары от коллектива; для распыленного, индивидуалистического буржуазного общества, полного борьбы и соревнования, семья была единственным якорем спасения от бурь житейских, "тихой пристанью" среди моря людской вражды и конкуренции... Семья представляла собой самостоятельный замкнутый коллектив. Этого не должно и не может быть в коммунистическом обществе. Коммунистическое общество предполагает такую крепость коллектива, которая исключает всякую возможность существования изолированной, замкнутой в себе семейной ячейки, с ее родственными скрепами, с ее семейным эгоизмом, честолюбием и обособленностью.

Уже сейчас на наших глазах слабеют узы крови, родства и даже брачно-семейные

скрепы: взамен растут, крепнут, углубляются новые скрепы, скрепы трудовой семьи, глубокие чувства товарищества, сознания коллективной ответственности, веры в коллектив, как высшее моральное законодательное начало» [12].

Мы не случайно прибегли к столь подробному цитированию. Действительно, формулировки Коллонтай дают основания для того чтобы показать известную неприязнь к семье, ее внутреннему миру, желание сделать интимную жизнь супругов полем коллективного обозрения, коллективных оценок и даже санкций.

Тем более, что кроме каждому ведомых противоречий между теоретическим ниспровержением семьи, в ряде публикаций того времени, и некоторыми реальными действиями правительства, начиная уже с 1918 г., существуют противоречия и в позиции самой А.М. Коллонтай. Так, например, в приведенном фрагменте даже неискушенным в логике глазом видны такие грехи автора, как идентификация буржуазной семьи и семьи как таковой, абсолютизация семейной «замкнутости» (хотя интимность супружества требует абсолютизации) и апологетизация открытости трудового коллектива, где также могут возникать относительно замкнутые неформальные группы, в том числе и на почве «сексуального притяжения». В первой части своей программы А. Коллонтай противопоставляет обрекаемой ею на исчезновение семье «брачный союз, не имеющий никаких социальных заданий и перестающий подлежать учету, контролю и руководству со стороны коллектива, поскольку союз этого не угрожает здоровью всего общества» [13]. Но — спрашивается — как зафиксировать подобную угрозу без учета и контроля, хотя бы медицинского и морально-правового? И что еще существеннее: как совместить декларируемый здесь сугубо личностный статус брака с приведенным выше утверждением того же автора о заинтересованности общества (коллектива) в регулировании интимных отношений между полами?

Однако мало констатировать противоречивость и известную исключительность взглядов А. Коллонтай на брак и семью. Надо, по-видимому, попытаться определить и гносеологические корни этих взглядов, ставших весомым доказательством враждебности коммунистов семье. В числе их на первое место следует поставить не столько научное, сколько эмоциональное отношение к предмету оценки. Отвращение коммунистов ко всему старому становится источником концепций, оправдывающих тотальное его разрушение. Но решение глобальных социальных проблем на основе эмоций вряд ли может принести пользу обществу.

Некоторые коллеги А. Коллонтай высказывали предположения, что на нее, как и на некоторых других идеологов коммунизма, оказали сильное влияние феминистские концепции. Поводом к этому послужила ее статья «О Драконе и Белой птице», в которой, во-первых, утверждалось, что трудящееся человечество не может выковать новую культуру, подходя к жизненным проблемам с однобоких мужских позиций, во-вторых, что культура в обществе должна строиться «и с мужской, и с женской точек зрения». По сути дела отрицалось значение не только общечеловеческих ценностей культуры, но и общезначимых для обоих полов: мужчин и женщин.

Программа, предложенная А. Коллонтай, придавала гипертрофированное значение привлечению женщин в общественное производство, коммунизации семейного быта и воспитания детей. Все это в определяющей степени было реализовано в дальнейших правительственных законодательных актах и программах — начиная с военного коммунизма и всеобщей трудовой повинности, кончая той общественной моралью, которая до последних лет превозносила труженицу и унижала женщину-мать пресловутым: она нигде не работает, а сидит с ребенком.

Не оправдались и идеалы большевиков по поводу возвышения роли общественного воспитания и принижения роли семьи, обобществления быта, которые рассматривались в период становления советской власти чуть ли не как главные звенья социалистических преобразований семьи.

Вот, например, как представлялось решение этих задач в конкретном исполнении в статьях П. Виноградской.

«Все улучшения в жизни работниц, которые делались до сих пор, были лишь скромными мероприятиями, например, использование под ясли бывших буржуазных домов. Но когда мы сами построим первый, новый, большой дом лучшего советского архитектора, чтобы в нем разместилось 50 рабочих семейств, не с 50 отдельными кухнями, а с одной кухней на весь дом, и отдадим эту кухню по контроль лучшей хозяйки; когда мы построим второй такой дом, приспособленный полностью для детских яслей; тогда это несомненно отразится на сознании самого отсталого рабочего и матери-работницы. Это создаст такое настроение, какое было во время боев. Рабочий класс тогда скажет, что мы можем, под руководством Советской власти, построить новую жизнь» [14].

Абсурдность этих идей несомненна, но и она, как известно, успешно реализовалась в жизнь: коммунальные квартиры с огромными общими кухнями остаются реальностью и наших дней.

Предлагалась и новая форма воспитания детей. Она базировалась на «освобождении женщин от наиболее тяжелых сторон семейного рабства... Если в индивидуальной семье одна мать воспитывает 3—6 своих детей, то при общественном воспитании одна женщина в среднем будет воспитывать 5—10 чужих детей, а может быть и больше. Но эта работа будет равномерно ложиться на все общества, а не будет обрушиваться всей тяжестью на матерей, которые одни вынуждены нести на себе все труды и страдания за продолжение и воспитание рода» [15].

Итак, семья отрицалась, в основном, как фигура, не вписывающаяся в представления большевиков об обобществлении всего народного хозяйства, которое при этом понималось вне связи с особенностями российского общества, потребностями и желаниями личности, ее права на индивидуальный выбор, на своеобразие своих вкусов и способов их удовлетворения. Но любые идеи, даже самые блестящие с точки зрения авторов, навязанные обществу, не найдут себе благотворной почвы для произрастания, и рано или поздно их возненавидят.

ЛИТЕРАТУРА

1. Население СССР. Справочник. М., 1974. С. 50.
2. Село Верятино в прошлом и настоящем. М., 1958.
3. Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. X. Ч. I. С. 18.
4. Правда. 1924. 15 февр.
5. Социализация женщин. Пг., 1918. С. 4—6.
6. Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 483.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 586.
8. Менерт К. Советский человек. М., 1959. С. 66, 70, 89.
9. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 137.
10. Коллонтай А. Дорогу крылатому Эросу! // Мол. гвардия. 1923. № 3. С. 118.
11. Лин И. Эрос из Рогожско-Симоновского района // Мол. гвардия. 1923. № 4—5.
12. Коллонтай А. Проституция и меры борьбы с ней. М., 1921. С. 20—22.
13. Коллонтай А. Проблемы женского коммунистического движения. Семья и коммунизм // Коммунистка. 1920. № 7. С. 17.
14. Виноградская П. Итоги III -го Всероссийского совещания завгуботделов по работе среди женщин // Коммунистка. 1920. № 7. С. 3.
15. Преображенский К. Путь к раскрепощению женщин // Коммунистка. 1920. № 7. С. 220.